Издательство
«Востсибкнига»

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6–5
Р95

Книга издана по решению Издательского совета
ОГАУ «Иркутский Дом литераторов»

Рычкова-Закаблуковская, А.С.
Про свет : стихи / А.С. Рычкова-Закаблуковская. – Иркутск : Издательство «Востсибкнига», 2021. – 104 с., ил.

Третья книга поэта раскрывает отношения женщины как хранительницы и продолжательницы рода к миру привычного. Под её влиянием обыденность чудесным образом преображается в мифологическое пространство, насыщенное народной символикой, удачно вписанной в контекст современности.

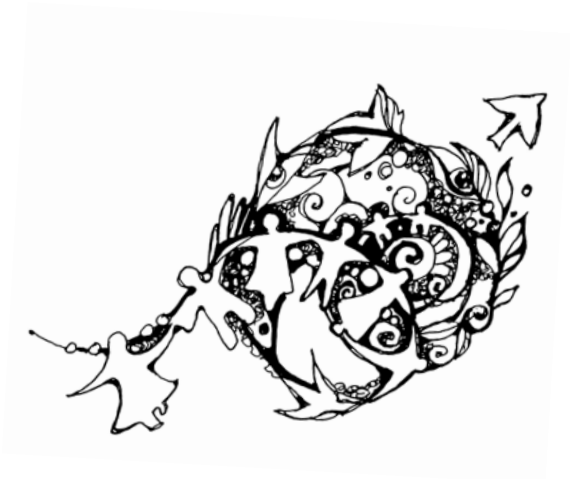
ISBN 978-5-6044181-9-2

© Рычкова-Закаблуковская А.С., 2021
© Мартынова А.А., оформление, 2021
© Издательство «Востсибкнига», 2021

Алёна Рычкова-Закаблуковская

ПРО СВЕТ

СТИХИ



Иркутск 2021

ДВЕ ТАЙНЫ

Ребёнок рождается из темноты и глухоты, прозреть и прослышать которые человек никогда не в силах. Старик уходит в темноту и глухоту, лишь предупреждённый иррациональным опытом. Этот опыт заставляет подозревать нечто важное о «той стороне», но ничего не открывает как явность. Две будоражащие, безответные, связанные тайны – рождения и смерти – преследуют нас по пятам, поддерживая и порождая практики, призывающие смириться с неизбежным.

И женские ритуалы, которые вполне можно отнести к подобным практикам, в народной культуре ограничены двумя главными возможностями – встречей и проводами. В какой-то степени книга «Про свет» – это книга о встречах и проводах. В большой степени это глубоко женская книга, проникнутая метафизикой и мифологией рода. Род в этой книге выполняет скрепительную функцию между мирами – подземным (отправляя туда своих мёртвых), реальным (осваивая свои углы), и миром вышним, где расцветает, как порыв, лучшее и светлейшее.

Во многом эти стихи – окультуренное переживание глубоких народных, даже крестьянских, традиций, неожиданно возникающих на почве, к нашему времени уже почти бесплодной. Отсюда и созависимость языческих и христианских представлений, которые как два параллельных рукава одной реки бегут по тексту, не конфликтуя, но и не сливаясь: «Человечий сумрачный плод/ осиян евангельским детством». И небеса христианского мира, принимающие души, парадоксально не противоречат небытию, откуда те же мёртвые приходят вдруг – во снах, в сумерках – навестить своих, от своего рода, живых.

Привычно, что отголоски русского деревенского сознания уже не доходят до нас, кажется, что они окончательно утеряны где-то во времени. На аутентичность, подлинность взгляда, не может претендовать, кажется, уже ничто. Но вот – и откуда берётся! – возникает это смутное и тёмное и неконтролируемое женское начало, избавленное от эго, обезличенное, вынутое из какого-то старинного сундука. Наверное, суть этой книги пугающа – насколько пугающа может быть чистая энергия естества, презирающая любые оправдания. Пугающа уже тем, что где-то на стыке города и деревни (автор живёт на «два дома», городской и сельский) сама собой сохранилась.

«Как птицы грянувшие оземь,/ Как бабки древние на лавке,/ Как заплутавшие меж сосен/ Купальской полночью, три мавки» – регистр женского пения как ворожбы, заклинания уравновешивается между тем светом мирного сосуществования природы и человека. Это сила человека созидающего, вскапывающего свою землю, обживающего свои дома. И «хтонь», и материя царят в этой книге ровно там, где им положено. Поколения сменяют друг друга ровно так, как требует природа, развёрнутая своей благожелательной и предсказуемой стороной в частной области освоенной территории, пространства, имеющего границы и потому не опасного – сада, огорода и даже дома (населённого между тем и другими существами, внутри него слышится и жизнь предков).

Рождение человека, символически высказанное в рождении кукол, изначально закрепляет и уточняет роль женского начала в пространстве книги – и делает его ближе, оптимистичнее, и, конечно, доброжелательней. Появление младенца из темноты неизведанного, из утробы как из пучины, сглаживается кукольной темой, представляя женщину как мастерицу, производящую своим творческим усилием не только символ живого – куклу, но и само живое.

Надо всем традиционно возвышаются небеса. Обращение к теме похорон, усопших предков здесь всегда констатация бренности, но и надежда на некий тот мир. В итоге, человек – связующее звено между тёмным и светлым, между бренным и вечным – проходит себя «как бурелом», совпадая с природой, сезонно погибающей и возрождающейся, восставая навечно в Божественной любви. Человек обречён, но тем и счастлив – в тёмной тайне своего рождения и светлой тайне смерти. Именно так, а не наоборот.

Светлана Михеева

* * *

тот прежний мир что плакал и агукал
вдруг воплотился чередою кукол
рождённых на задворках бытия
как будто снова скудная земля
смогла родить
не обладая речью
детёныши явились человечьи
и обживая тёплые края
углы и полки в рукотворном рае
беззубые распахивали рты
на перешейке между сном и явью
видения отчётливо пусты
и призрачны фарфоровые лица
и вдохновенный совершая вдох
влагает бог мерцающий горох
в их полые пока ещё глазницы

ХОЛОДНЫЙ МАЙ

всю ночь моргала лампа на столе
казалось чьё-то пламя задували
потом внесли на чистом покрывале
холодный май
и тихо по земле
как будто никогда не умирали
проклюнулись растения и мы
смотрели на
глазам своим не веря
но на ветру поскрипывали двери
и поднимались скудные дымы
над кучами лежалого компоста
над головами колыхался остров
на землю трапы были сведены
по краю небо разгорелось красным
и лампа на столе погасла

* * *

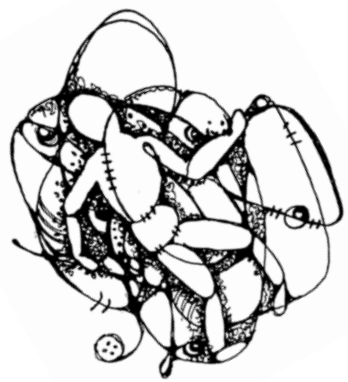
набивание куклы это те же роды
только наоборот
запускаешь в её нутро вселенские воды
уплотняешь её живот

выбирая между куклоделанием и стихосложением
принимаешь такую форму существования
когда оба канала путём сплетения
функционируют бесперебойно
не больно
обрезаешь мизинчик
заворачиваешь в салфетку
вырастай моя детка
и поверь мне на слово ничего личного
ибо слово моё семя горчичное
вынесла на ветер уронила в ямку
заживай моя ранка

кукольный глаз напоминает фасолину
хлопчатый тугой кругляшок
вышиваешь на нём нитками шёлковыми
радужку любопытный зрачок
оглаживаешь отечески
с этого и начинается движение
хождение существа в люди
это уже глаз человеческий
он живой он лежит на блюде
изучает тебя внедряется

в душу через все её защитные оболочки
нащупывает болевые точки
ищет место своё
обживается
пока клепаешь кукольное тельце…

главное в этом процессе
не выходить за берега –
не заиграться в бога
сочиняющего младенца
из ребра и слога
не сотворить врага



СОН-ТРАВА

Бывает помнишь не о том –
Не яблоко, но плод надкушенный.
Ребёнка помнишь утонувшего.
На этом берегу крутом
Нет и намёка, как тогда –
Следа затёртого и бледного
От колеса велосипедного.
Лишь тяжело плывёт вода,
И чайка кружит с глупым окликом,
И облака летят кракле,
Где он торжественным покойником
Сидит в седле на самом дне,
Ссутулив плечи, пальцы длинные
Впечатав крепко в рукоять.
По ступицы увязший в иле,
Дна не желает отпускать.
От смельчаков, нырявших в омут тот
Вниз головой,
Мы слышали: мол, как прикованный,
Мол, как живой.
Все, как один, дрожащим голосом,
Неверно, путая слова:
Мол, у него льняные волосы.
Как сон-трава.

* * *

словно рана ножевая
боль саднит сторожевая
говорит я заживаю
но коснуться не моги
не ходи мой друг по краю
доверяй мне я же знаю
счастья в жизни не бывает
и кругом одни враги
посмотри у той с глазами
узелок за образами
в нём конечно знамо память
горсть кладбищенской земли
у неё душа в заплатку
чай вприкуску
сон вприглядку
у неё такие песни
ай-лю-ли да ай-лю-ли
погляди под небесами
птицы льются голосами
и людскими словесами
божьи твари говорят
там она стоит босая
посреди земного рая
с пьяной грозди обрывает
ртом пунцовый виноград

* * *

Не говорить, но тонко примечать.
Дитя невоплощённое качать
На трубочке прозрачной пуповины.
Они приходят тихи и невинны,
На лицах их – архангела печать.
Казалось, дело, в сущности, за малым.
Так ты лежишь простёртой Фридой Кало
В потоке, и несёт тебя поток.
Над головой стеклянный завиток
Плаценты и свеченье голубое.
Вас изначально в мире было трое.
Согласно наивысшему порядку
Дитя сквозь сон наматывает прядку
На пальчик свой фантомно-восковой,
И пуповины обод золотой
Смыкается, соединяя души.
Не всё ль равно
Когда и кем надкушен
Был плод пунцовый с косточкой тугой.

* * *

закат вскипает оловом
на западном окне
как срубленные головы
кувшины на плетне
нелепица случайная
ландшафтная игра
не вечеря ли тайная
со входом со двора
карминово окрашены
раззявленые рты
бутонами как чашами
унизаны кусты
гляди они умытые
рыжьём пятнают грунт
за голову побитую
небитую дают

ПЕСКАРЬ-КАРАСЬ

Он всё думает, что я есть свет.
А я и есть свет.
Он всё думает, что я есть тьма.
А я и есть тьма.
Я его закутаю в плед,
Поднесу к окошечку,
Видишь? Зима!
Ни о чём не думай, маленький,
Спи!
Из икринки вызреешь –
Станешь князь.
Выношу во чреве и на груди,
Раз такая мне дана власть.
Годовальцу босому
Выдан срок –
Высыпайся, миленький,
Всласть!
Рыбачок мой маленький, с ноготок,
Краснопёрый окунь-пескарь-карась.

* * *

Кабы я была та лосось
Посреди лазурного небосвода!..
А я дерево вишнёвое, рыбья кость
Сплюнутая Господом посреди огорода.
Здесь ему не климат. Не лебеда, чай,
Что растёт у Господа на задворках.
Только ветки вызреют, холода
Секачом по ним начинают щёлкать.
Уцелеют голые две руки,
И опять расправятся лепестки,
На Успенье ягоды заалеют.
Глянцевиты, круглы, но так горьки,
Что от сока губы деревенеют,
Сводит скулы и вяжет рот.
Это слёзы дерева, а не плод.
Так оно себя над землёй несёт
И жалеет себя, жалеет.

* * *

ягоды в траве круглеют сочные
не бери хоть и соблазн велик
на боках их тлеют червоточины
словно дух невидимый проник
внутрь плодов
на всех тропинках сада
начиная монотонный труд
тайные пособники распада
жадно плоть пунцовую клюют
вот оно мерцанье тихих падалиц
средь корней на самом-самом дне
мне от них свечением останется
призрак лета в стынущем окне
я снимаю сливы на варенье
возжигаю жертвенный огонь
сад дрожит как в день грехопадения
опадая в тёплую ладонь

* * *

жить нужно на отшибе
да так чтоб ни души
на том речном изгибе
где ночь и камыши
где только всхлипнет кряква
да сплавится таймень
надумаешь заплакать
да время тратить лень
мутить такую воду
будить такую глушь
куда не зная броду
не забрести к тому ж

ПИРОГ С ДРОЗДАМИ

Надо бы завести автоклав.
Запекать на тонком холсте оттиски трав –
Садовую календулу и мальв тугие головы.
Изобрести хитрый сплав
Из олова
И секретного ингредиента.
Разливать золото
В мисочки из солнечной терракоты,
Отмечая красоту момента.
Необременительные заботы –
Ожидать ледостав
и, как следствие, путь санный.
Каждый вечер творить осанну.
Каждое утро начинать заново,
Сочиняя пирог
С запечёнными в нём дроздами.
Разламывая горячую корку перстами
Выпускать птицу за птицей
В рассветное зарево.

* * *

Такая сушь, что нынче у малины
Нет наливаться никакой причины.
В сиротской доле скудна и мелка,
Да так, что рвать не тянется рука.
Однако ведь не пропадать же даром
Купецкой лавке с худеньким товаром.
Бери её такой, какая есть.
Сбивай гордыни скаредную спесь.
И, мимоходом складывая в рот,
Впитай её засахаренный мёд.
И ощути: да нет же, не иссякли
Земные силы. С каждой малой каплей,
Мерцающей средь зелени рубином,
Ты связана дрожащей пуповиной.
Пронизана насквозь – как этот зной –
Натянутой струною грозовой.

КУЛЬТПРОСВЕТ

Заброшенные в жизнь
Как моряки в подлодке,
Мы выживали в ней,
Не выходя на свет.
Луна лимонный цвет
Одноимённой водки
Имела, а судьба –
Неясный силуэт.

Холодную весну
Превозмогало лето.
То снегом, то дождём
Начертанный пунктир.
А мы глядели в мир
Сквозь окна Культпросвета.
На серый тротуар,
Застиранный до дыр.

А в Культпросвете свет
В холщовых драпировках
Терялся и тонул,
Но прорывался звук
На улицу сквозь них.
То робкий и неловкий,
То трубный и густой.
Не покладая рук –
Зубрить, паркеты в классах
Дробить до волдырей,

До обморочной тьмы.
До связок рваных в хлам.
Нести культуру в массы
Учили нас тогда.

О, как же пели мы!
На каждом пятачке,
На каждой остановке,
Сплетая голоса
В многоголосый плач!
И завершался век,
И примерял обновки,
Пришедший вслед за ним,
Вершитель и палач.
Он каждому воздал:
Тому – позднее, рано –
Другому (верный знак,
Что будет жизнь его,
Нам кнопочкой баянной –
Запала и саднит,
Не выправить никак).

А нам-то что с тобой?
С такими голосами
Наверно, в самый раз
Заигрывать с судьбой.
С такою красотой
Садись в любые сани
И мчи себе, и мчи
Над миром и тщетой.

Спроси себя теперь,
Мол, в чём я виновата?
Подруги где твои?
И как они живут?
Одной светло в Крыму.
В цехах жиркомбината
Другая обрелась.
И больше не поют.

* * *

Такую странную мелодию
Затянем, словно мы юродивы.
Да как бы нас ни величал
Народец праздный и непраздный,
А голосить нам сообразно,
Согласно трёх своих начал:
Как птицы, грянувшие оземь,
Как бабки древние на лавке,
Как заплутавшие меж сосен
Купальской полночью три мавки.
Протяжно на грудном регистре,
Кугиклами во поле чистом.
И кряквой вдруг, летящей косо,
Кликушей сельской без угла,
Над всем – щемящий проголосок.
Так небеса над тёмным плёсом,
Несут невызревшую просинь
Отрезом льна.

* * *

из дома выносили хлам
и двор обезображен
решился сам укрылся сам
легчайшим камуфляжем
за ночь господню небосвод
убрал холстинкой тонкой
пакетов разномастный сброд
обломки и осколки
так накрывают полотном
диван и фортепьяно
я посмотрела за окно
там стало чисто и светло
и мне светлее стало

* * *

Оставь оплакивать действительность.
Она украсится сама,
Едва лишь ты утратишь бдительность.
Так сходит свет на Покрова
На улицу с её возницами,
Глухой забор из профлиста,
Дорогу с тёмными глазницами
Химозных луж. На три куста,
Что в палисаде, как в подрамнике –
Стоят три инока, черны.
Бессонный реставратор старенький,
Снимая копоть, старины
Не повредит. Фасад фарфоровый
Осветится до самых плит.
Касаясь темноты и сора,
Тишайший снег, как свет Фавора,
Весь мир собой преобразит.

* * *

позолоти мне плечи лето
и голову позолоти
пока мой свете безответный
ещё колышется в груди
пока вздыхает колокольня
и раздаётся бла́говест
пока нетрудно и небольно
в краю непуганных невест
живётся мне
вздымает реку
Хамар-Дабана молоко
ох трудно трудно человеку
а мне легко

* * *

Лете Югай

Нет, никуда я не уеду.
Здесь день за два, а год за пять.
По осени мы ходим к деду
Хлопот осенних убавлять.
Сейчас тут ржаво никнут травы,
Иванов чай пушит, пушит.
Моя семья здесь всей оравой
В суглинке розовом лежит.
Недавно спрашивала Лета,
Мол, как мы там себя ведём?
Никак. Бесцельно, беспредметно
Поклоны до земли кладём,
Серпом срезаем дурнотравье,
Смываем с камня птичий след.
Целуем камень, гладим камень,
Мол, оставайся с миром, дед.
Не причитаем? Причитаем.
На бабьей мове горловой,
Немотствуем над самым краем
У полосы береговой.

* * *

такая завывала вьюга
на переходном рубеже
что имя прежнего супруга
тебе не помнится уже
да и своё не вспомнить имя
кем ты была ему тогда
мария анна евдокия
всё смыла стылая вода
нет тучных стад и хлебных пашен
лишь очертанье тёмных грузил
всё что оставил день вчерашний
всё чем жила в плену иллюзий
сладчайший грех и труд упорный
как черепицы битой груда
и надо всем нерукотворный
витает будда

* * *

белёная печи мерцает глина
здесь говоришь и дышишь невпопад
здесь в такт молчать подсудно и повинно
и видеть как плывёт неопалимо
по известковой наледи закат
и что такое деется в миру
ломается в хребте его старинном
пока ты здесь созвучная перу
отсчитывая мерно половину
закатных дней в пустой глубинке тесной
плетёшь своё простое не умру
как паутину тонкую над бездной
прилежно носишь щепки и кору
для золотого пламени печного
и отпускаешь жертвенное слово
в ночного неба чёрную дыру

* * *

вот они стрелы созревающего лука
отягощённые семенными коробками
мимолётное течение звука
комариное пение острое
робкое моё прикосновение
к непостижимой сути бытия
где ты и я
такие первозданные
смешные и нелепые
где над тропою куруслепа
едва приметное мерцание
мне тихо затаив дыхание
смотреть как облачённый
в шляпу пчеловода
ты распыляешь воду
над посадками
над сливой дух пунцово-сладкий
и облюбованные осами
плоды сочат по капле плоть
и платье облегает складками
мои колени
аксолотль нет амбистома
греет тельце
на камешке
и ты глядишь
как я иду к тебе из дома
и говоришь

* * *

Я перестала спрашивать зачем.
И так случилось, не касаясь тем,
Смогла парить, как рыба невесомо.
Заглатывая знаковое слово,
Среди ловцом расставленных фонем.
Подобно прочим ихтиообразным,
Сквозь ил житейский проплывают праздно
Мальки, мерцая. Шебуршит рачок.
Сквозь мой телескопический зрачок
Проходит свет. Не отторгая света,
Я ухожу в глубинные слои.
Там водорослей сумеречных гетто,
Там донные лукавые огни,
Подобны спичке, вспыхнувшей вдали
В руке невозмутимого скитальца.
Блик на мгновенье озаряет пальцы
Надбровье и высокую скулу.
И снова погружается во тьму
Сознание. Таинственный голограф!
Придумай мне по сердцу и уму
Движение во временном межутке:
Быть кислороду вдоволь, сердцу чутким
К тому, кто рядом, что царит внутри.
Так вызревает малая икринка
Наполняя смыслом
Отмеренные мне земные дни.

* * *

Когда опять надолго задождит
Звук обретётся в комнате безлюдной.
И я припомню, как несли посуду
К печной трубе.
Вода дробит гранит,
Что говорить про старое железо
Истлевшей крыши?
Но душе полезно
Стихийное. Другого слова я
Не подберу…
Нас чаша бытия,
Дав трещину, вдруг окатила влагой.
Гудел кувшин и старенький бидон.
Оглушены и растеряв отвагу
Стояли мы.
Нам звон со всех сторон
Стучался в темя. По литому блюду,
И в хрустале звенел его хрусталь.
И утварь вся, столпясь никчёмной грудой.
Пока с небес скользя косая сталь
Нам обнажала головы и души,
И прошивала вдоль и поперёк
Наш утлый дом,
Судёнышком за сушу
Пришпиленным на ржавый якорёк.

* * *

Травы опали, тлетворны и смертны.
Я продолжаю династию смердов –
Жну и кромсаю. Над кучей компостной
Кружатся пьяные жадные осы.
Манит нектар их от корки арбузной.
Август кончается пышно и грузно.
Дух увядания горек и сладок.
Нет, сад пока не приходит в упадок.
Сад изумруден, лилов и рубинов.
Сад погибает в плену георгинов.
Маки погасли, черны и опальны,
Их попирают высокие мальвы,
И возвышаются справа и слева
Морды кровавые львиного зева.
Оных немало и прочих расцветок.
Яблоки сняты. Кончается лето.

СТАРЫЙ ЗАГОН

я стою
посреди старого нашего загона
ничем не занятого
там только папины деревья
и маленький вросший в землю
домик из досок
я провела в нём детство
когда-то дядька готовился
здесь к экзаменам
и выцветшие обои пришпиленные
к стенам на кнопки были исписаны
математическими формулами

потолок до которого можно было
с высоты детского моего роста
дотронуться рукой
был сплошь заклеен репродукциями
(о непреодолимая тяга
отца к прекрасному)
мария лопухина
маленькая инфанта
портрет мусоргского
и прочие лица
соседствовали
с осиными бумажными гнёздами
обильно висевшими там и тут
осы деловито сновали
сквозь приоткрытую дверцу
они никогда не жалили меня
увлечённую игрой
так осуществлялся симбиоз
и коммуникация со всем сущим

в домике имелись старая
панцирная кровать с шишечками
столик прибитый под окном
сквозь стекло проходил ясный свет
оживляя лица на потолке
усиливая запах сухого дерева
бумаги и созревающих трав…

на столике поблёскивал
кукольный кофейник
с крошечными чашечками
кремового цвета
жёлтый букет в синей рюмке
подсыхаюший песочный пирог
украшенный мелкими брызгами
битого бутылочного стекла
всё вместе
окно и стол и предметы
составляли натюрморт
не уступавший по живописности
и полноте бытия
натюрмортам малых голландцев
висевшим над моей головой

теперь в домике обитает
грибной дух запустения
в низкое оконце не проникает свет
всё имеет вид
завершённый и не эстетичный
и потому фотографий не будет
фотографий не будет

* * *

Однажды вынырнешь из дома
И никого в округе нет.
Ноябрь, податель монохрома,
Стоит, в нательное одет.
Пока одежды невесомы,
Полощет ветер навесу
Голубоватые кальсоны.
Гашёной известью в лесу
Стволы начертаны. Там вьётся
Берёста. Крестики кладут
На снег сороки. Над колодцем
Небесный белый маламут,
Нависнув грузно и лохмато,
Готов обрушится, едва
Подденешь черенком лопаты
Упругий бок. И вдруг слова,
Прорвав белёную холстину
Над непокрытой головой,
Стремительно неотвратимо
Нисходят лавой перовой.

* * *

Полоскальницы доски узкие,
Дальний берег суглинист, высок.
Там на дне живут двустворчатые моллюски,
Зарываясь в шелковистый песок.
Тишину дополни птичьими звуками
Сквозь пустое тальниковое горлышко.
Не тебя я, милый, аукаю,
А баюкаю душу на донышке
Выпуклом – зелёном – бутылочном,
О которое рассекла ступню,
На песке той старицы с кувшинками,
Между небом и землёй, на краю.

ЖАДЕИТ

да что это за приступы внезапные
зелёная тоска по человеку
как гулкое бутылочное дно
которая случается тогда
когда о нём не помышляешь вовсе
средь бела дня и ночи белопенной
в ладу с собой и с миром заодно
зачем она приходит гасит лампы
и заполняет комнаты пустые
водой глубинной
польского завода
замытого байкальского стекла
зелёные её мерцают слитки
потусторонним светом там и тут
качают волны камни жадеита
на лоб и грудь и на руки кладут
и на уста
их замыкая камнем
холодным
словно память по нему

* * *

это бесконечное мытарство
осень восходящая на царство
этот вечный транспорт гужевой
на подъёме не хватает вдоха
ветер пишет палочкою коха
по земле развёрстой и сырой
от последних родов не окрепшей
всяк её переходящий пеший
мнит себя что он ещё живой
он ещё расправит грудь и плечи
ничего что скраденный увечный
свет свернулся жалок и кургуз
вот же ведь по вымокшей аллее
словно заяц солнечный круглея
катится трёхлетний карапуз
что есть силы давит на педали
и земля берёт его на грудь
ей сейчас светло многострадальной
выносить его
листвой опальной
как соломкой выстилая путь

* * *

господи храни его для меня
и не для меня всё равно храни
словно за щекой золотой пятак
как зеницу ока как пуп земли
если надо господи отмолю
встану мачтой на его корабле
лягу матицей на краю
чтоб качать его колыбель
под кормой волна под ногами твердь
невечерний свет придорожный храм
и откуда тянется этот след
чтоб не знал не ведал не помнил сам

РАХАТ-ЛУКУМ

Стираются приметы времени,
Но нет в том никаких чудес.
Из маркета с домашним веником
Наперевес
Выходит пара. Ночи длинные
Им впереди, рахат-лукум.
А я без спроса их задвинула
В свою строку.
Во все глаза, Господь, приглядывай.
Расти, лелей.
И береги от муки адовой
Своих детей.

* * *

Ну, какой он, прости Господи, соцработник?
Вот тебе, Мария, праведный плотник.
Ты сама ему опора и плотик,
Будь почтительна и добра.
По весне распаханный огородик
Невелик, но вроде исправно родит.
На базар торопится серый ослик,
На ухабах тихо скрипит арба.
Разнотравье пышет, лоснятся ягоды,
Разливают ангелы благодать,
Рассыпают всюду смарагды, яхонты.
Успевай их только в подол собрать,
Разложить на чистой холщовой скатерти.
Тот, кому ты случилась матерью,
Не готов ещё умирать.
Он лежит в кроватке лицом к оконцу,
Чтобы видеть первым как всходит солнце.
Он ещё, Мария, совсем малец.
Как барашки тучки плывут, скиталицы,
В кулачок Дитя поджимает пальцы,
Поминая вслух всех своих овец.

* * *

Опустошив себя, наполниться до края.
Смотреть сквозь сон, как женщина другая
В тебе проснулась, как идёт легка,
Как замерла на рынке у лотка
И яблоки неспешно выбирает.
О, кем она вот так повелевает?
От корнеплода до медовой груши
В холщовой сумке истекают души
Согласно заведённой простоте,
Которая владеет здесь от века
Крестьянкой местной, пришлого узбека
Навеки записав в сибиряки.
Черешня обрывается с руки
И алый сок пятнает грудь и губы.
А ей смешно, ей всё на свете любо.
И целый мир распластан под пятой
Её легчайшей. Тело пустотой
Наполнено и тишиной под сердцем,
Горчащею букетом пряных специй.
Склонила голову, рука её близка
И очертанье тёплого соска
Под туникой льняной простого кроя.
Покойно ей.
А ты ищи покоя.

* * *

тело моё болотное
примем противорвотное
и совершим полёт
над растворённой бездною
выйдем на свет болезные
будет и нам живот
точечка средостение
дед говорил растение
были бы кости целые
мясо-то нарастёт

* * *

Каждую ночь в опустевшем хлеве,
В самый тёмный час перед рассветом,
Ей мерещатся звуки
И блики света по стенам.
Там хлопочут куры,
На задки приседают гуси,
От коровьей морды дух травный и хлебный,
Как в тот час, когда народился Иисус.
Но она-то знает, за стенкой ветхой
Тишина и тьма и пустые ясли.
Только кот соседский ночует, если
Не пустили в дом его.
Понапрасну
Не расходуй силы, сховайся в сене,
Пережди морозную ночь до света.
На четвёртой страже проснётся петел.
И, конечно, все мы потом воскреснем.
Но сначала нужно дождаться лета.

* * *

Мой друг уехал далеко
Он говорит со мной по-птичьи
Носить обличие синичье
Ему должно быть нелегко
Он говорит пока-пока
Он говорит такое дело
Крыло намедни онемело
То бишь фантомная рука
Гляди-ка пёрышко кружит
Над земноводною кружалью
Мне ничего теперь не жаль но
В груди по-прежнему саднит

* * *

Какая тишь разлита.
Пиши себе, пиши…
О край души разбитой
Точи карандаши.
Плыви по августовью,
Как солнца гнутый грош.
Ты всё это любовью
Позднее назовёшь.
По лету августины
Справляя всякий год,
Мельчающей малины
Бросай рубины в рот.

* * *

так сходятся порой на рубеже
все силы расплескав на энном круге
у каждого свой камешек в душе
колотится как в гулкой центрифуге
покуда не источится в труху
не истончится до небесной манны
за давностью не вспомнить who is who
да полноте и вспоминать не стану
какое право дело мне до них
мир без того нескладный и непрочный
покуда выговариваю стих
мой камень рассыпается построчно
дай поцелую пасмурный висок
дай выведу из сонного забвения
покуда превращается в песок
твой камень преткновения

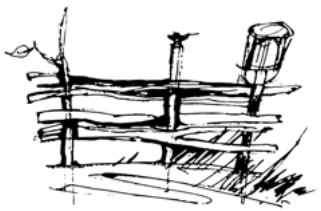
КОВРИК

У постели
Постели́ коврик – голубые кисти.
Будет тебе сон колыбельный,
Ежедневный переход от смерти к жизни.
Навесной над пропастью полой –
Полоса пёстрая, полоса чёрная –
Будет тебе мостик.
Так носили наши бабки свои бренные кости –
По цветистой радуге – от тверди к тверди.
От начала до конца.
От жизни к смерти.

* * *

Так и живём. От света подустав
Не лета ждём, а новый ледостав.
Вот свистнет рак на сумрачной горе,
И пожелтеют листья в сентябре,
Которые пока ещё в зачатке.
А ты готовь садовые перчатки,
По правилам бесхитростного быта.
Не баба у разбитого корыта,
Но крепкою рукой середняка
Клепай телеги куцые бока.
А после начинай готовить сани.
Куда судьба, лихой Иван Сусанин,
Нас заведёт не знаем мы пока.
Но нынче по ночам такая страсть –
Взята весною безраздельно власть.
И дышит прель.
И всякое в природе дышит тело –
Поленница ли, баня ли, горбыль,
Что над межой горбился омертвело,
Всю зиму останавливая пыль
Метельную. Гляди теперь он тоже,
Чешуйчатую ощетинив кожу,
Весь напитался влагой снеговой
И древесиной пахнет разомлевшей.
И, кажется, готов зацвесть скворечник,
Уже как двадцать вёсен нежилой.
И прибывает тайный кровоток.
И попирает рокот поколенный

Отживший тлен. И воздыхают стены,
И чашечки коленной завиток
Пульсирует, несёт тебя из плена,
Поклоны класть грядам попеременно,
И прорастать во вздыбленный песок



ХОЛОДА

Вспомнила как маменька
Собирала тятеньку в гроб:
Тёплую рубашечку – не холодно чтоб.
Трусики да маечку потеплей.
Помню, как мне муторно от затей
От её, от вдовьих… злилась как.
А сама решила вдруг: не пиджак!
Свитерочек надо бы в холода.
Глупыми и слабыми нас беда
В одночасье делает – знай держись.
В морге шторка с крабами – тоже жизнь.
Преступил за краешек – сразу шок.
Санитару старому вещмешок
Отдала и шёпотом: так и так.
Он мне: что ты, милая, не дурак…
Я работу выполню посмотреть
Будет любо-дорого. Вот ведь смерть
Выбирает времечко – холод лют.
Облетают семечки, люди мрут.
Как же в землю стылую класть людей?
Надо бы одёжу-то потеплей…

* * *

Я выходила за полночь к той реке –
Через дорогу. Летала над синим плёсом.
Днём никакой реки здесь в помине нет.
Существованье её под большим вопросом.
Через дорогу выстроил дед избу.
Надо же было этому сну присниться.
Он уже десять лет, как лежал в гробу.
Бабушка рядом, плотно сомкнув ресницы…
Ночь напролёт там горел негасимый свет.
Пахло сосной и ладаном под образами.
Я всё просила:
«Домой пошли! Слышишь, дед?»
Он всё глядел невидящими глазами.

ПОНЕДЕЛЬНИК

Нам что ни день – горчайший понедельник,
Начало бытованья на земле.
Мы саночки катили через ельник,
Мы поднимались по крутой горе.
По скату вниз потом слетали звонко.
Иркутный лёд некрепкий, рыхлый снег.
Здесь утонула, помнится, девчонка.
А мог бы получиться человек,
Под звёздами Стрельца и Волопаса
В величии и кротости нелеп.
Так вызревает пушечное мясо,
Клюёт полынный свой сиротский хлеб,
Чтоб кануть в лету. Призрачную реку
Не переплыв, но затвердев на дне.
Чтоб нам носить в груди по человеку.
По камню в изголовье. По вине.

ОВРАГ

Ведь они не ходят к нам просто так.
Ходят они сумеречно и по делу.
Не гляди, мол, детонька, за овраг.
Не твоя там ягода почернела.
Напиталась влагою из глубин,
Облетает, катится по оврагу.
Помнишь, у Кузьминичны первый сын
Пригубил по осени эту брагу?
А теперь Кузьминична собралась.
Для печи в овраге копает глину.
Чтобы кирпичи поимённо класть
За Степана, Марью, сноху Полину.

ПРО БРАТЦЕВ

Один из проблесков детства –
мёртвые телята-близнецы,
птенцы однояйцевые.
По причине непонятной
(да и нужно ли было кому
объяснять мне, несмышлёной?)
молодую тёлку пустили под нож,
словно перевели через улицу
в небытие.
А как перевели, так и обнаружили
в пустой её оболочке
зачатки двух душ.
Содрогнулись от неисправимости содеянного,
и поклали младенцев в ящик,
словно в колыбельку сосновую.
Подстелили соломки
и соломой прикрыли –
от детских глаз,
от детских слёз.
Но детское сердце чутко и любопытно.
Я приходила к ним каждый день,
словно в тайную комнату
Шварцевского Прадедушки Мороза.
Сдвигала в сторону солому
и смотрела, смотрела
на их не имеющие шерсти
окаменелые тела,
будто выточенные из розоватого кварца.

На округлые носы и прозрачные ушки,
выпуклые яблоки глаз со смеженными веками.
На молочного цвета раздвоенные копытца
и впалые бока
с просвечивающими извилинами внутренностей.
О, маленькие эмбрионы мои,
во власти вечного сна!
Нерождённые мои братцы меньшие…
Странная,
отталкивающая и притягательная,
эстетика смерти.

АНДРЮШЕНЬКА

Маленькой мне казалось,
вот иду я по земле,
а моя прабабка идёт под землёй.
Я шаг, и она шаг.
Так и идём, слипшиеся ступнями,
непонятно кто чьё отражение.

А другая прабабка, Марфа,
та, что по отцу,
любила меня крепко.
А я её боялась.
Носила она длинную юбку
и долгополый зипун.
нос её был такой длинный
и крючковатый, что о подбородок
стукался – страсть Господня!
Любила она петь песню старинную
«Я сажала огуро́чки
Кто же будет поливать».
Пела и притопывала,
И юбкой землю мела.

Бывало, встанет посреди улицы
С кульком пряников,
А я бегу-убегаю от неё со всех ног.
«Ой, люди добрые!
Поймайте мне Андрюшеньку –
глазки кругленьки!»

Соседские ребятишки
Схватят меня и волокут.
Я кричу, вырываюсь.
«Отпустите! Отпустите её!
Передайте только прянички».

А когда помирать стала,
Долго помереть не могла.
Всей деревней приходили
Прощаться. Почитай,
Все родственники.
А она об одном только и просила:
«Приведите мне Андрюшеньку –
глазки кругленьки».
И опять схватили меня,
Тащат через порог,
Я криком кричу надрываюсь.
«Отпустите! Отпустите её.
Посмотрела я!»

С тем и отошла ко Господу.
А почему Адрюшенька –
Глазки кругленьки?
Говорят, похожа я
На другого сына её,
В гражданскую сгибшего.
Капля от капли.
Её капля в море человеческом.

ПЯТЬ СТАРУХ

Тот день был тих, теплом последним сух,
Как прогоревшее кострище.
Мы вышли дружно, я и пять старух,
И поплелись на старое кладбище.
Я впереди, ступая по коре.
Старухи позади. Их смех девчачий
Казался неуместным в тишине,
Был инородным здесь. Пособник плача –
Погост осенний возносил дымы.
Старухи шли, ногами попирая
Сезонное гниение листвы,
Всем видом утверждая – живы мы!
И далеки от края.

Потом они сидели за столом
На кухоньке в хрущёвке тесной,
Как стайка птиц – к крылу крылом.
Мне, как птенцу, нашлось меж ними место.
Старухи пили горькую и вдруг
Запели песни странные, глухие,
В которых света не было. Был крюк
И висельник. Нет, не припомню имя.
Да, был топор. Ну, как без топора?
И каторжанский ропот конокрада.
Светило подбирало со двора
Лучей поводья, угасая взглядом…
Из всех старух одна пока жива.
Крепка ещё, скрипит над ветхим садом.

А песен тех не вспомнить мне теперь,
Канва словес за давностью истлела.
Но словно кто-то открывает дверь –
Звучат их голоса мне акапелла.

ГОЛУБЦЫ

матушка богородица святые отцы
я говорит хочу готовить ему голубцы
в голубой утятнице с черносливом
чтоб над дверью звякали бубенцы
чтобы по фэн-шуй затекала ци
проходила сквозь золотую гриву
непослушных зыбких моих волос
и качала в такт лубяную зыбку
а лежащий в оной всё рос и рос
как в утробе мати уроборос
философский камень златая рыбка

СУББОТА

Ты прекратила эту круговерть.
Припомни день. В тот день была суббота.
По всем приметам наступила смерть,
Но продолжала странную работу
Жизнь неторопко. Помнится, едва
Ты находила нужные слова.
Хотелось одного – достать до дна
И замереть до заданного срока,
Когда душа, как птица с водостока,
Сорвётся в небо под своё «фюить»
Но тронул Бог невидимую нить
И выплыл солнца золотой розан,
И воздух стал шифон и органза,
И берега согрелись жёлтым дроком.
Ты всё ещё не верила глазам,
Но сердце отвечало ненароком.

* * *

у неё лубяные ульи
в медной заводи яблок плоть
раздувает в жаровне угли
каждый вечер седой господь
эта женщина нет с ней сладу
топит воск золочёных сот
светлым ангелам
тёмным гадам
разливает духмяный мёд
бойся женщины говорящей
на змеином своём языке
твой ли ангел прямоходящий
об одном стоит башмаке
на земле среди злаков сорных
на исходе седьмого дня
обессиленный и покорный
просит тихо: обуй меня

* * *

говорил господь подводя черту:
приучайся жить с бубенцом во рту
даже если боль и глухой гранит
упадёшь – лежи – бубенец звенит
и от горла катится до крестца
опускает корни гудит в коленях
поднимайся пой поминай отца
и родство своё до седьмой ступени

* * *

когда мне в детстве не хватало сил
ты на руках безропотно носил
нелепое моё смешное тельце
слепило солнце кочет голосил
и улыбался желтоглазый мир
беззубою улыбкою младенца
куда теперь по скошенной оси
судьба несётся господи спаси
укрой моё младенческое темя
и пронеси коль можешь пронеси
меня в своей отеческой горсти
вдоль берега над теми и над теми
и опусти за тонкий поясок…
и дай е г о поцеловать в висок
у кромки между небом и землёю
и вот тогда когда нас станет двое
пожалуй не жалея отпусти
сетей рыбацких кружево плести
и возжигать огонь в прибрежном храме
и в эти травы падать как в кровать
и яблоко рассветное катать
в прибое обнажёнными ногами

* * *

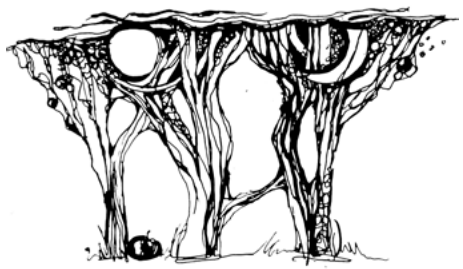
Припомни стародавний миф.
Вечерний час. В запасе вечность.
Ты вдохновенная Юдифь,
Освобождающая плечи
Усекновением голов.
Они летят с морозным хрустом –
Пришла пора солить капусту.
Пришла пора питать слонов,
На коих мир стоит треща
По швам лохматясь серой паклей.
Вот звяк бликующих пентаклей
Летит и достигает дна
Колодца. Рытый на меже
В расчёте на двоих хозяев,
Никем из них не осязаем…
Но между тем они уже
Давно толкуют меж собой
Во тьме минувшего столетья.
А ты привычною рукой,
Не помышляя о бессмертьи,
Вершишь свой справедливый суд
И неразменный долг дочерний.
Звенит дюралево и мерно
Воды колодезной сосуд.

* * *

Мой бабий род, мой род двужильный,
Ходящий по одной черте
За дверью адовой родильни
В нечистоте и наготе.
Глядящие в земное чрево,
Что видите среди корней?
Там пробивает камни древо.
Там клубни тёмные черней
Июльской ночи, складки буры,
Земная твердь тепла, кругла,
Колышится глубинным гулом
И поднимается сутуло.
Покамест ты не родила,
Пока своё не помнишь имя,
Вам смерть, гремучая гюрза,
В затылок дышит…
Голубыми
Вдруг стали карие глаза.
Над синевой, прорвавшей тучи,
Над болью, расколовшей высь,
Неотвратимо неминуче
Восходит жизнь.

* * *

Да будет тишина которая в начале
Которая пред тем как яблоки упали
На кровельную жесть
И в желоб водостока
Так не дождавшись весть
Не выдержав урока
Кто в бочку кто в жнивьё
Червям земным усладой
Ты яблоко моё
Но мне тебя не надо



* * *

так нет между нами посредников
и гол остывающий сад
лишь ангелы в белых передниках
опавшей листвой шелестят
здесь бродят заблудшие агнецы
здесь всякий вошедший блажен
последние выпали паданцы
елейный сочат этилен
источник с плавучим корабликом
под парусом тонкой перкали
нет выбора брошено яблоко
и нам не избегнуть печали

* * *

мне этот сон до мелочи знаком
до самой незначительной приметы
как в дом вошли в постель легли валетом
так в зале ожиданья делят люди
случайные скамью
и вот они две рыбины на блюде
похожие едва ли на семью
глядели врозь хватая воздух ртом
не находя во сне немотном том
отдохновенья малого забвенья
но только оглушённое смиренье
так атеисты испытавши смерть
принужденны лежать и лицезреть
посмертное своё существованье
без упования всякого на свет
распад и тлен фиксирует сознанье
а смерти нет

* * *

Вселенская тоска на оба наши дома.
В одном шуршит в ночи мышиная солома,
В другом понурых стен касаясь сиротливо
Струится голос мой. По линии обрыва
Проходится туда и следует обратно.
Оконная слюда сквозит невероятно
Трансцедентально так и между тем тверёзо.
А здесь на сквозняке качается берёза
У дома твоего вершиной пятипальной.
Какой бы ни была кручинной и опальной
Приди сюда и стой под стареньким карнизом.
Над домом дым трубой и небосвод нанизан
На земляную ось. Во торжество вендетты
За рёберную кость душа моя воздета.

* * *

значит бестолку толочь
умещать в скупую строчку
человеческую ночь
переходят в одиночку
проживают абы как
без вины и виноватых
сам себе ни друг ни враг
бессловесный соглядатай
а каких тебе словес
многоточий междометий
если ты едва воскрес
и пока не помнишь смерти

ПУТЕВАЯ ЗАМЕТКА

Никаких тебе рек
Пустозвонная донная тундра
Ты пришёл человек
Умирать сюда долго и трудно
Здесь на скудной земле
Из раззявленной пасти трясины
Выступают на свет
Твои кости покинутый сыне
Из фаланг и хрящей
Семижильные голые плети
Чей ты предок ничей
Где твои незаконные дети
Переклик поездов
Облаков проходящие тени
И белёсых стволов
Уходящие в небо ступени.

* * *

небо раскалилось добела
и на землю хлопьями упало
это к васе матушка пришла
и накрыла чистым покрывалом
распахнула стылую купель
детскою травою окропила
средь надгробий как среди людей
выбирает первенцу могилу
с кем тебе василий вековать
у своих-то и легко и просто
стелет васе матушка кровать
в изголовьи садит алконоста

МАТУШКА

весь последний год
матушка приходила к нему ночами
и зажигала лампаду
пред иконой со стёртыми ликами
говорят что такие надо
отпускать по воде с молитвою
но икона оставалась
на прежнем месте
потому что прочие
увезла его средняя дочь в город
по месту жительства

вот и пылилась на божнице доска
то ли фигуры на ней человеческие
то ли стайка усопших птиц
словно сорок мучеников вышли вон
лишь остался шаблон фотографический
с пятнами белёсыми вместо лиц

она садилась у изголовья
гладила его лысую голову руками
и говорила
умирать не больно
только подожди до весны
пусть оттает камень
пожалей своей сестры
не помирай пока к ней не вернутся дети

ведь она одна у меня
остаётся на этом свете
а на том будем мы вдвоём
словно голубки рядом

она глядела
на светлеющий окоём
и задувала лампаду

* * *

Пред сороковинами,
О которых ты запамятовала
Перепутав по скорби даты,
Прилетел воробей малиновый
Предзакатный.
Меж прищепок мостился.
Бликами
Бельевая качалась проволока.
Птаха малая невеликая
Голосила (сердечко ёкало)
Во всё горлышко воробьиное
С человеческою надсадой.
Я боялась, таки накликает
Лихоимца ли конокрада.
А пернатый давился звуками.
Завороженная птичьей речью,
Ты к нему всё тянула руки,
Называя именем человечьим…

В доме дальнем закат рубиновый
Вспыхивал на иконостасе,
В аккурат пред сороковинами
По Васе.

* * *

А времени у нас вагон.
Вагон и мелкая тележка.
По этой пустоте кромешной,
Гляди, упрямый мой олешек,
Стремительный лесной орешек –
Светило катится за склон.
А дальше что, а дальше тьма.
Гуденье вод околоплодных.
Кем нас задумает природа
Она не ведает сама.
Возьмёт и вытолкнет на свет
И разведёт вот так руками.
Смеяться, горевать, лукавить.
И осторожный ставить камень
С негромкой надписью на память,
Что нас здесь нет.

* * *

терпок вкус креплёного лекарства
принимай его когда захочешь
здесь потёртый томик карла маркса
с «житием» соседствует бессрочно
жизнь свела и всё перемешала
дом облонских голубые глины
солнца луч высвечивает алым
библию и тайную доктрину
фотоснимки в выцветшем конверте:
дед в гробу и бабушка над ним
в детской книге высохший бессмертник
словно купина неопалим

* * *

Июль стоял, как божья милость.
Птенцы осваивали клирос.
Ты в этой маечке навырост
Была себе мала.
Под нею сердце робко билось,
Душа над миром возносилась
И облаком плыла
С небесным храмом по соседству.
Ивановым звенящим детством
Сквозь кроны напросвет.
И вспыхивал светло и звонко
Под голою пятой ребёнка
Яичный куослеп.
Ты и сейчас, ступая тяжко,
Нося отцовскую рубашку,
Легка себе вполне.
И, кажется, порой надмирна,
Но всё же жизнью наполнима,
Как эта голубая чашка
С клубничиной на дне.

* * *

О, детские ангины мои вялотекущие,
До сих пор отзывающиеся в конечностях.
Куколкой вочеловечшейся
Смотришь, как улица упирается
В девятиэтажку со сквозным подъездом.
Дверь открывается,
А за нею бездна –
Переход в инобытие,
Который по сей день снится.

На ладони практиканта бьётся
Сестрёнка в рубашонке из ситца.
Будущий эскулап
Рассматривает младенца и этак и так
Перед окном, за которым льдистая
Пустыня аэропорта.
После его ухода у неё развивается пневмония.
Потому, что какого чёрта
Брать детей голыми
И выносить на холод?
Он не был злым. Он был глуп и молод.
Или наоборот?

Одно из любимых воспоминаний детства –
мамин зонт.
Бордовый,
С наконечником острым, как спица.
Им удобно было делать дырки

В бетонной стене.
Но самое главное – я себя ощущала птицей,
Раскрывая парашютный купол в окне,
Озирая мир с высоты
Третьего этажа без страховки и якоря.
Я хотела полететь.
Но не хотела, чтобы родители плакали.

КИНО

Совхозной фермы белые цеха,
А на тебе весёлый ситец маркий.
Ядрёного навоза и солярки
Стоячий запах. Хлебная труха
В ведёрке. Ты влезаешь на окно
И свешиваешь ноги в сапожонках.
И, как в доисторическом кино,
К тебе приходят лошадь с жеребёнком.
Он тянет-тянет бархатистый нос
И тычется щекотно в шею, в темя.
Каштановый его пушистый хвост
Смешно дрожит, как ухо спаниеля.
И золотистый сыплется овёс.
Пока младенец шлёпает губами,
Ты понимаешь, лошадь – это пёс
С печальными и долгими глазами.
И мать его, неся свои бока,
Гнедую шею над тобой склоняет.
Но кто кого из вас удочеряет
Не опознали вы ещё пока.

* * *

ах эта дивная картинка
китай в снегу
где я в резиновых ботинках
на берегу
стою
а прямо над китаем
скользит река
и он пока не обитаем
он пуст пока
бамбук не тронут не встревожен
в лесу самшит
китай покамест невозможен и не обжит
зверьём и дикими богами
по закрома
во внутреннем моём китае
зима зима

ФИЛИПОК

Всё кончилось тогда и началось.
Собака проглотила рыбью кость
И, бездыханная, осела в снег.
А я щенок, пока не человек, –
В смешной пальтейке, в шапке на пуху.
Вот мама, обряжённая в доху,
И бабка в шали – кисти бахромой.
Земля блестит, как сахар кусковой.
Наш поезд похоронный топчет сныть.
Я плакать не могу, могу скулить,
Размазывая сопли по щекам.
По земляным слежавшимся комкам,
За матерью и бабкой, что несут
В носилках псину, как на страшный суд,
Согбенные над ношею своей.
Иду я Филипком среди полей.
И небо опускает белый плат
Над горшей из ребяческих утрат.

* * *

это узнавание на уровне чашки ложки
как ты ходишь дышишь сопишь во сне
наливаешь воду сметаешь крошки
обживаешь место своё во мне
этим утром снежным в лиловых пятнах
из иных теорий невероятных
вероятней ветер сквозной в окне
как напоминание о шрапнели
снеговой обстреливающей дворы
и о заметённых что не сумели
уберечь и вывесть свои миры
на простейший уровень
как преданье
мир к окну приник он до дна продрог
но на подоконнике держит тайну
гиацинт мерцающий полубог

ПОЗВОНОК

Всё ничего. Но отдаёт в плечо –
Последствие давнишней травмы.
Июльские во всю пушили травы
И солнце припекало горячо.
А на дворе качель. Туды её в качель!
Сказал бы дед, да нету деда боле.
И я почти не ощущаю боли –
Так далека та знобкая метель.
Так что же травма?
Маленькая драма.
Её и вспоминать то не с руки.
Не сметь качаться! – говорила мама.
Но видно нужно было позвонки
Свернуть тогда мне,
Как курёнку шею.
Трухлявое сиденьице скрипит
И я лечу! И песня как умеет
В колоратурном горлышке звенит.
И дом летит! И палисадник косо!
И провода! И птицы в два ряда –
Моих собратьев взвод звонкоголосый.
И неба всеохватная вода!
На всё хватало воли и сноровки.
И сил хватило не реветь потом,
Когда гнилые лопнули верёвки,
Когда меня, покрытую репьём,
В дом принесли и косточки считали.

И всё сочли. Так, значит, будем жить!
Благословенны детские печали.
А позвонку, как не води плечами,
Саднить по ним.
Саднить. Саднить. Саднить.

* * *

к урожаю говорят снегопад
что ты с нами делаешь боже
словно белобрюхих котят
носишь под пергаментной кожей
тот сучит ногами в живот
тот плотвицей бьётся под сердцем
человечий сумрачный плод
осиян евангельским детством
так что души видно насквозь
семенами в мякоти дынной
в пустошах посеешь нас врозь
будем мы светлы и наивны
будем выживать вопреки
думать о потерянном рае
земляные трогать комки
ломкими как стебли руками

* * *

Там звон лопат, как звон мечей.
А в роще гладь да тишь.
И ты огарком средь свечей
Берёзовых стоишь,
От огородной суеты
Сбегая всякий раз.
«Как инородный и ничей
Бытуешь среди нас?»
И ты не знаешь что сказать
На их прямой вопрос
Вбираешь кожей благодать
И чувствуешь – пророс
Корнями сквозь
И кроной над.
Среди белёсых лаг
Душою наг простоволос
И счастлив просто так.

* * *

За ощущеньем сумрачного дня,
Упавшим в снег трагической перчаткой,
Потянешься и вдруг найдёшь себя,
Потерянной среди миропорядка,
Средь бела дня, нелепой и серьёзной.
Сентенцией весьма претенциозной,
Как кот сидящий в бельевом тазу
С мерцающею искоркой в глазу.
А между тем в ветвях, на перекрестье,
Снуют сороки, словно на насесте
Две курицы. Разобрано гнездо.
И, заново по веточке сложённым,
Висеть ему до розовых птенцов
Над миром неживым и занесённым.

ТРОЛЛЕЙБУС

Сквозит ноябрьская бездна,
Как отворённое окно.
Отсюда нулевой троллейбус
Медлительно несёт нутро
В депо. Качаются тычинки
И тычут в небо. Там темно.
Он махаонова личинка,
Не-до-окукленная но…
Он доползёт по бездорожью
В конечный пункт среди зимы.
Вдруг омертвевшей лопнет кожей,
На божий свет пробьёмся мы,
Прозрачные зажмурив веки
От дежавю и визави.
Слепые недочеловеки,
Не избежавшие любви.

* * *

гляди какая кутерьма
огни дымы народец пеший
такая выдалась зима
бела как вольный мех медвежий
полярный в искрах золотых
должно быть правили санями
над нами ангелы гуляя
по небу
поворот был лих
и лишь бубенчик на слуху
звенит-звенит из дальней дали
ах эту снежную доху
они должно быть потеряли

БОДХИДХАРМА

даже тишина имеет имя
было б только по кому молчать
туча волчье опускает вымя
чтобы землю млеком напитать
в тишине протяжной и дремотной
словно долголапые щенки
в брюхо волчье утыкаясь плотно
тянут сопки небо за соски
напитавшись остывают в дымной
поволоке впав в анабиоз
даже тишина имеет имя
именами испещрён погост
как она главенствует в природе
ни единый лист не зашуршит
по переселению народов
по перерождению души

*Бодхидхарма – дацан в посёлке Аршан, Бурятия.

* * *

покуда снег пушист ершист
и пахнет свежим огурцом
стоишь с распахнутым лицом
развернут мир как эпикриз
и лист листая за листом
обычный примечаешь лист
необъяснимо кем и как
здесь сохранённый вопреки
горит его зелёный флаг
на расстоянии руки
над этой бездной снеговой
и что ему вся эта бездна
он не готовится воскреснуть
и не стремится на покой
ещё не ломкий под рукой
он уцелел в осеннем жаре
небрежно вложенный в гербарий
между страниц миропорядка
витиеватою закладкой
он укрепился над строкой
смолистой кожей черенка
не обрывай его пока
пока стремительны осадки
и с ними время и пространство
он хрупкий символ постоянства
свет проблесковый маяка

* * *

Теперь ты знаешь – так бывает.
Как только ночь опустится бела,
Мы всякий раз меняемся телами –
Твоя душа скользит из рукава
И опустившись за пижамный ворот,
Сквозь грудь мою проходит и живот.
А в это время через сонный город
Душа моя сомнамбула бредёт
Проулками. Приподнимает полог
И голову на грудь твою кладёт.
Так тишина, причалив белым яликом,
Качается. И вместе с нею дом.
Я проникаю. Округляюсь яблоком.
Я засыпаю под твоим ребром.
Когда же утро мертвенно и марлево,
Ключами от дверей твоих звеня,
Проявится. В сиреневое зарево
Открой глаза. И выпусти меня.

* * *

Кому-то ведь старение к лицу,
А мне, как новобранцу на плацу,
Предписано от мамки и до ямки
Стоять вот так в пилотке, как в панамке.
Пух тополиный, жёлтую пыльцу
Разглядывать сквозь окуляр очечный
И отмечать тщету и скоротечность,
Что в общем-то не свойственно юнцу.
Задумать жизнь, как водится, сначала.
Немного в ней от женщины усталой,
Минующей опасный перекрёсток.
Но девочка и мальчик-переросток,
Прошедшие ступени пубертата,
Бредут себе по кварцевому дну.
Вода вокруг туга и необъятна.
Одна за всех, вернее за одну –
Саму себя, родившуюся внове,
С задумчивой морщинкою у рта,
Я отпускаю время вороное.
Я собираю ягоду с куста.

* * *

преображаются чужие дети
глядишь и выросли когда успели
а мы с тобою меняем облик
о боже святый зачем так скоро
когда бы жили бок о бок рядом
не так заметен бы был упадок
и хмурость складки
на лбу мятежном
и те что прежде случились
глубже не становились бы год от года
увидишь мельком и сердце охнет
и оборвётся в пустую воду
мой милый как же стремится время
разжать нам пальцы
разъять разрознить
и углубляя следы на коже
излом бровей обозначить чётче
и всё же время плохой советчик
оно нам лишь путевой обходчик
меж полустанков забытых наших…
на занесённом пути отрезке
лесочек выжжен
не дрогнут спущенные занавески
на окнах хижин в плюще и мальвах
целую лоб твой
мой берег ближний
мой берег ближний
мой берег дальний

ПЯТИСТЕНОК

Так, опрокинув мир вверх дном,
Пройдёшь себя, как бурелом.
Кого-то Бог выводит к храму,
А ты приходишь в отчий дом.
И видишь маленькую маму,
Сидящей под большим столом,
По центру комнаты в пыли,
В смешных штанах на серой вате,
В твоём нелепом детском платье.
У ног, как церковь на Нерли,
Стоит игрушечная ёлка,
В кошёлке дремлет старый кот.
Ты шла сюда темно и долго.
Так долго детство не живёт.
Возьми себя из тьмы и тлена,
С колен пылинки отряхни.
Впусти в холодный пятистенок,
Как будто выпустив из плена,
Немного света и любви.

* * *

а жизнь своё как водится возьмёт
я снова прорастаю в твой живот
и снова там окукливаю место
я не ребёнок я подземный крот
гляди он пальчик чмокая сосёт
и кажется надеется воскреснуть
во чреве тёмном свёрнута в дугу
спелёнута и замирая сердцем
я ни сказать ни крикнуть не могу
и потому тебя не берегу
и разрываю плоть твою младенцем
и ты держись пожалуйста держись
за шёпот нитевидного сознанья
пока восходит маленькая жизнь
пока она находит оправдание.

СОДЕРЖАНИЕ

С. Михеева. Две тайны....4
«тот прежний мир что плакал и агукал…»....6
Холодный май....7
«набивание куклы это те же роды…»....8
Сон-трава 10
«словно рана ножевая…»....11
«Не говорить, но тонко примечать…»....12
«закат вскипает оловом…»....13
Пескарь-карась....14
«Кабы я была та лосось…»....15
«ягоды в траве круглеют сочные…»....16
«жить нужно на отшибе…»....17
Пирог с дроздами....18
«Такая сушь, что нынче у малины…»....19
Культпросвет....20
«Такую странную мелодию…»....23
«из дома выносили хлам…»....24
«Оставь оплакивать действительность…»....25
«позолоти мне плечи лето…»....26
«Нет, никуда я не уеду…»....27
«такая завывала вьюга…»....28
«белёная печи мерцает глина…»....29
«вот они стрелы созревающего лука…»....30
«Я перестала спрашивать зачем…»....31
«Когда опять надолго задождит…»....32
«Травы опали, тлетворны и смертны…»....33
Старый загон....34
«Однажды вынырнешь из дома…»....36
«Полоскальницы доски узкие…»....37
Жадеит....38
«это бесконечное мытарство…»....39
«господи храни его для меня…»....40
Рахат-лукум....41
«Ну, какой он, прости Господи, соцработник?…»....42
«Опустошив себя, наполниться до края…»....43
«тело моё болотное…»....44
«Каждую ночь в опустевшем хлеве…»....45
«Мой друг уехал далеко…»....46
«Какая тишь разлита…»....47
«так сходятся порой на рубеже…»....48
Коврик....49
«Так и живём. От света подустав…»....50
Холода....52

«Я выходила за полночь к той реке …»....53
Понедельник....54
Овраг....55
Про братцев....56
Андрюшенька....57
Пять старух....60
Голубцы....62
Суббота....63
«у неё лубяные ульи…»....64
«говорил господь подводя черту …»....65
«когда мне в детстве не хватало сил…»....66
«Припомни стародавний миф…»....67
«Мой бабий род, мой род двужильный…»....68
«Да будет тишина которая в начале…»....69
«так нет между нами посредников…»....70
«мне этот сон до мелочи знаком…»....71
«Вселенская тоска на оба наши дома…»....72
«значит бестолку толочь…»....73
Путевая заметка....74
«небо раскалилось добела…»....75
Матушка....76
«Пред сороковинами…»....78
«А времени у нас вагон…»....79
«терпок вкус креплёного лекарства…»....80
«Июль стоял, как божья милость…»....81
«О, детские ангины мои вялотекущие…»....82
Кино....84
«ах эта дивная картинка…»....85
Филипок....86
«это узнавание на уровне чашки ложки…»....87
Позвонок....88
«к урожаю говорят снегопад…»....90
«Там звон лопат, как звон мечей…»....91
«За ощущеньем сумрачного дня…»....92
Троллейбус....93
«гляди какая кутерьма…»....94
Бодхидхарма....95
«покуда снег пушист ершист…»....96
«Теперь ты знаешь – так бывает…»....97
«Кому-то ведь старение к лицу…»....98
«преображаются чужие дети…»....99
Пятистенок....100
«а жизнь своё как водится возьмёт…»....101

Алёна Сергеевна Рычкова-Закаблуковская

ПРО СВЕТ

Стихи

Литературно-художественное издание

Редактор С.А. Михеева
Корректор Ю.В. Поликарпова
Оформление и вёрстка А.А. Мартыновой

9 785604 418192

16+

Издательство «Востсибкнига»
664025, г. Иркутск, ул. Марата, 38, оф. 18

Сдано в набор 12.07.2021. Подписано в печать 01.09.2021
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура CentSchbkCyrill BT
Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,05. Уч.-изд. л. 6,15. Тираж 1000 экз.
Изд. № 262. Заказ №
Отпечатано в типографии «Принт Лайн»
664043, г. Иркутск, ул. Сергеева, 3